

**Проблемы российской
цивилизации
и методики
преподавания истории**

22 2
9586

Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории

Межвузовский сборник научных трудов
Основан в 2003 году

Выпуск V

Издательство «Наука»
2012

СОДЕРЖАНИЕ

История России: события, факты, проблемы

<i>Бондаренко М.А., Гравина Д.</i> Проблема выбора (К году российской истории).....	5
<i>Удалов С.В.</i> Николаевская политическая система и русские университеты.....	11
<i>Кочуков С.А.</i> Русско-турецкая война 1877-1878 гг. на страницах журнала «Морской сборник».....	17
<i>Ананьев С.В.</i> «Записки» М.Н. Муравьева: источник польского восстания 1863 – 1864 гг.....	23
<i>Варфоломеев Ю.В.</i> «Так поступают с врагами народа»: дело террориста Степана Балмашева.....	33
<i>Царенко М.В.</i> Композитор С.И. Танеев глазами современников.....	43
<i>Костяев Э.В.</i> Единомышленники Г.В. Плеханова в годы Первой мировой войны.....	48
<i>Мозговая О.С.</i> Политика руководства Германии в решении «проблемы советских немцев».....	60
<i>Чолахян В.А.</i> К вопросу о составлении первых пятилетних планов в СССР.....	74
<i>Аблизин В.А.</i> Советско-германское сближение 1939 года: герои и судьбы.....	85
<i>Малова Н.А.</i> Репатриация русских из Румынии в Астраханскую область в 1947 г.....	91
<i>Гишов В.А.</i> Возникновение субкультуры стилиг в СССР.....	95
<i>Чолахян А.В.</i> Сравнительный анализ правовых систем России и европейских стран.....	99
<i>Бабаджанян К.А.</i> Равновесие интересов личности и государства как предпосылка гармонизации взаимоотношений между ними.....	111

Краеведение

<i>Рабинович Я.Н.</i> Политика России на Кавказе в конце XVI века и основание Саратова.....	120
<i>Лукоянова М.А.</i> Застройка городов Верхнего Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX вв.....	125

<i>Жукова А.А.</i> Проституция как феномен девиантного поведения в Саратове в конце XIX – начале XX вв.	133
<i>Шрамкова О.В.</i> Источниковая база истории национальных меньшинств г. Саратова в дореволюционный период	142
<i>Калякина А.В.</i> Меры по борьбе с эпидемиями, вызванными появлением в Саратовской губернии перемещенных лиц во время Первой мировой войны	146
<i>Соловьёва Т.А.</i> Качество медицинского обслуживания городского населения в 1920 – 1930-е гг. (на примере г. Саратова)	152

Теория и методика преподавания истории

<i>Великая Т.С.</i> Проектно-исследовательская деятельность в современной школе	161
<i>Абракова Т.А.</i> Актуальность методической взаимосвязи преподавания истории в школе и вузе.....	165
<i>Попкова Н.В.</i> Особенность педагогической подготовки студентов по направлению 050100 – «Педагогическое образование» (профиль «История»).....	169
<i>Сергиенко И.Н.</i> Профессиональная компетентность педагога и особенности его становления в вузе.....	174
<i>Ястер И.В.</i> Интерактивные методы обучения в процессе профессионально-педагогической подготовки историков-бакалавров.....	179

Публикации из архивов

<i>Удалов С.В.</i> Всеподданнейшие докладные записки графа Уварова о запрещении Московскому обществу истории и древностей издавать свои труды под собственной цензурой. Об изъятии книги Флетчера «О государстве русском»	187
<i>Кочуков С.А.</i> «Съезд славян дал возможность обменяться мыслями между наиболее видными представителями на поприще славянской взаимности» (К вопросу о деятельности Славянского благотворительного комитета)	192

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ Г. В. ПЛЕХАНОВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Когда речь заходит об отстаивании основателем российской социал-демократии Георгием Валентиновичем Плехановым своих оборонческих взглядов в период Первой мировой войны, очень редко, к сожалению, упоминаются имена людей, которые находились рядом с ним в эти годы, являясь его преданными соратниками и единомышленниками. Между тем в их числе мы находим немало талантливых, неординарных и выдающихся личностей, среди которых хотелось бы выделить доктора философии, российско-швейцарско-немецкую социалистку, «ближайшего друга и ученицу» Плеханова, высоко ценившего её «литературно-критический талант и проникновенность»¹, младшую из сестёр Аксельрод Иду (в марксистском сборнике «Война» она поместила статью «Маркс и Энгельс в их отношении к войне 70-го года», которую затем перепечатал журнал «Современный мир»), Григория Алексинского, очень влиятельного, по мнению Плеханова, на Кавказе² секретаря Центрального бюро Заграничных групп социал-демократов-«партийцев» князя Константина Андронникова (Кахели), бывшего депутата II Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии Григория Белоусова, Льва Дейча и его жену, скульптора Эсфирь Зиновьеву-Дейч, Пантелеймона Дневницкого (Фёдора Цедербаума), коллегу Алексинского по разоблачению Александра Парвуса (Гельфанда), как агента германского Генерального штаба³, Ивана Киселёва, Алексея Любимова, Валентина Ольгина (Фомина) и некоторых других.

В конце июня 1915 г. в Париже был выпущен марксистский сборник «Война», в котором, кроме самого Плеханова, участвовали И. Аксельрод, Алексинский, Андронников, Дейч, Дневницкий, Любимов и Ольгин. Печатаемым органом этой оборонческой группы была еженедельная газета «Призыв»⁴, издававшаяся по решению состоявшегося 5–10 сентября 1915 г. в Швейцарии меньшевистско-эсеровского совещания до конца марта 1917 г.

¹ Ида Аксельрод // Дело. 19 (6) мая 1918 г. № 8 (14). С. 1–2.

² См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 108.

³ Подробнее об этом см.: Костяев Э. В. Взгляды Г. В. Плеханова и меньшевиков на проблемы войны и мира в 1914 – феврале 1917 года. Саратов, 2011. С. 185–218 (параграф «Разоблачения Парвуса»).

⁴ В отправленном 1 октября 1916 г. из Сан-Ремо письме Алексинскому Плеханов высказал мнение, что по причине недостаточного финансирования целесообразно сделать «Призыв» двухнедельным, и после того, как в октябре был опубликован юбилейный выпуск, вдвое увеличенного размера, газета стала выходить раз в две недели (см.: *Baron S. H. Plekhanov in war and revolution, 1914–17* // *International Review of Social History*. Vol. XXVI (1981). Part. 3. P. 360).

также в Париже под редакцией Плеханова, Алексинского и Любимова совместно с эсерами Николаем Авксентьевым, Андреем Аргуновым, Ильёй Бунаковым (Фондаминским) и Борисом Вороновым (Лебедевым).

Среди единомышленников Плеханова, находившихся в тот период не в эмиграции, а в России, хотелось бы отметить известного философа и литературоведа Любовь Гириш-Аксельрод, работавшую в одном из санитарных поездов на фронте, а затем в военно-хирургическом госпитале в Москве жену Алексинского Татьяну (урожд. Евтихиеву), рабочего депутата IV Государственной думы от Таврической губернии Андрея Бурьянова, доктора медицины Николая Васильева, редактора журнала «Современный мир» Николая Иорданского, старую революционерку Веру Засулич и других. Деятельность Веры Ивановны, писал после её смерти член образованной в 1917 г. плехановской группы «Единство» Анатолий Браиловский, была тесно связана с деятельностью Плеханова: «Оба шли одним путём от самого начала революционной работы до последних дней и не изменили своему пониманию сущности предстоявшей России революции и задач в ней рабочего класса, – говорилось в некрологе. – Не изменили они и заветам Интернационала, когда перед русским народом встал вопрос о защите страны в мировой войне»⁵.

Ближайшими сподвижниками Плеханова за границей в 1914 – феврале 1917 г. являлись Г. Алексинский и А. Любимов. Хорошо знавший первого из них по партийным школам на Капри и в Болонье, а также по совместной работе в группе «Вперёд» большевик Александр Богданов написал однажды, что Алексинский «и в эпоху своего большевизма, даже вперёдовства, был ярким плехановцем в теории»⁶. Не случайно, поэтому, что с началом мировой войны он примкнул именно к группе Плеханова. Нельзя не отметить также, что оборонческая позиция Григория Алексеевича, бывшего ранее одним из видных большевистских руководителей, стала в начале войны одним из приятных для Плеханова сюрпризов. «Меня удивляет, – писал он Любимову 22 ноября 1914 г., – что Алексинский не ударился во мномо-революционную фразеологию. И я очень рад его революционной трезвости»⁷.

Помимо участия в сборнике «Война», редактировании «Призыва», в полностью одобрявшихся Плехановым⁸ разоблачениях неблагоприятных занятий Парвуса и других общегрупповых мероприятиях, Алексинский в августе–сентябре 1915 г. издавал в Париже общественно-политическую и литературную газету «Россия и свобода», выпустив четыре её номера, а также в конце 1916 – начале 1917 г. был парижским корреспондентом либеральной

⁵ Браиловский А. В. И. Засулич. (Венок на могилу) // Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection. Series 130. Box 201. Folder 4.

⁶ Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. I: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М., 1995. С. 220.

⁷ «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 2. С. 156.

⁸ См.: Там же. № 3. С. 108–109; *Baron S. H. Op. cit.* P. 347–348.

петроградской газеты «Русская воля». Плеханов с большим интересом следил за литературной деятельностью Алексинского и очень высоко ставил его «неоспоримый публицистический талант». А в письме из Сан-Ремо от 27 ноября 1916 г. Георгий Валентинович назвал его «одним из самых талантливых русских публицистов наших дней», выразил сожаление, что в последнем номере газеты «Призыв» не было статьи Алексинского и отметил, что «Призыв» «очень много потеряет, если Вы перестанете писать в нём»⁹.

История сотрудничества Алексинского с «Русской волей», как и многие другие его действия и поступки, носила скандальный характер. Инициатива появления этого издания на свет исходила от товарища председателя IV Государственной Думы и члена Прогрессивного блока Александра Протопопова, в сентябре 1916 г. ставшего министром внутренних дел и начальником жандармского управления России. Началось всё с того, что осенью 1916 г. принять участие в газете было предложено Плеханову известным писателем и публицистом Александром Амфитеатовым и литературным критиком Сергеем Адриановым. Георгий Валентинович в предположившемся издании привлекло многое – и его программа (развитие производительных сил России, в интересах которого необходимы свободные учреждения, обеспечивающие, среди прочего, и права рабочего класса), и обещанная независимость редакции от правительственных кругов, и демократический характер газеты, и, наконец, очень большой по тогдашним меркам 800-тысячный тираж, позволявший надеяться на широкое распространение оборонческих взглядов в России. Он готов был уже принять предложение, считая крайне важным получение свободной трибуны в издававшейся на Родине газете, обладавшей к тому же огромными связями и средствами. Убеждая единомышленников из «Призыва» в необходимости такого шага, Плеханов просил их не забывать ставшее знаменитым выражение Августа Бебеля о том, что ради дела тот готов был идти вместе с чёртом и его бабушкой¹⁰.

Однако, как один из редакторов «Призыва», в разговоре с Адриановым и Амфитеатовым он поставил своё участие в «Русской воле» в зависимость от того, как отнесутся к этому коллеги. Если, говорил Плеханов, большинство найдёт возможным немедленное участие, то он сразу станет сотрудником новой газеты и напишет для неё статью «О любви к отечеству и народной гордости», где постарается выяснить, как надо относиться к ним современным социалистам. Если же редакция «Призыва» решит, что с участием в «Русской воле» надо подождать до обнаружения её характера, то он безропотно подчинится и такому решению. Обещание было выполнено. Коллеги Плеханова по «Призыву», положившись на передававшиеся из России Бурьяновым, Иорданским и эсером Владимиром Зензиновым непроверенные, целиком основывавшиеся на слухах, данные о зависимости газеты от мини-

⁹ Цит. по: *Baron S. H. Op. cit. P. 350–351, 362.*

¹⁰ См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 128, 129.

стра Протопопова, не посчитали возможным завязывать связи с таким официальным изданием. Да и какой ещё могла быть их реакция после получения, в частности, письма Иорданского от 5 декабря 1916 г., в котором он сообщал Авксентьеву: «После думских прений и разоблачений в газетах было выяснено, что "Русская Воля" – орган международного банка, расписавшего деньги между принадлежащими ему предприятиями. Большинство из них, как и сам банк этот, находились до войны в руках немецких подданных.

Кроме того, газета пользуется покровительством таких лиц, с которыми мы не привыкли работать, не желая попадать в число клиентов Бурцева.

Честное слово Амфитеатрова является гарантией только для наивных людей. Никто из местных литераторов этому нововременцу и [слово вырезано военным цензором. – Э. К.] лакею не верит.

Если Алексинский желает купаться в грязи и отказаться от своего политического имени – его дело.

Мне же вся эта история надоела; прочтите газеты – и вы будете знать то же, что и все. Теперь для нас характер этого подлого предприятия не подлежит сомнению». Несмотря на то, что такая информация позже не подтвердилась и после назначения Протопопова на министерский пост и он, и другие причастные к основанию газеты лица отошли от дела; на то, что Плеханов верил в политическую порядочность Амфитеатрова и в то, что редактировавшееся им издание действительно не будет официозом; на то, что обещанная независимость редакции «Русской воли» от правительства и её демократический характер после выхода газеты подтвердились – Георгий Валентинович подчинился мнению большинства редколлегии «Призыва» и сотрудником нового издания не стал. А 21 ноября 1916 г. Иорданский опубликовал по его поручению в «Современном мире» соответствующую информацию о непричастности Плеханова к новой газете¹¹.

Сделать то же самое он настоятельно советовал и Алексинскому, ссылаясь в своём письме из Сан-Ремо от 27 ноября 1916 г. на появившуюся в «Giornale d'Italia» корреспонденцию из Петрограда, в которой о «Русской воле» говорилось как об органе Протопопова. Плеханов сообщал ему также, что член ЦК Конституционно-демократической партии профессор Николай Гредескул из-за разногласий с руководством комитета, вызванных его сотрудничеством с «Русской волей», вынужден был даже покинуть состав ЦК, членом которого, кстати, Гредескул являлся с 1906 года. Дело издания новой газеты, отмечал Плеханов, «приобретает весьма неприятный привкус»: «Я думаю, что мы хорошо сделали, воздержавшись от участия в деле, на счёт которого сам Амфитеатов стал, как будто, сомневаться перед своим отъездом в Россию, – делился он своими соображениями с Алексинским. – Думаю, что и Вы поступили бы осторожнее, если бы, пока что, остались в

¹¹ См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 129; *Baron S. H. Op. cit. P. 358–363*; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 3. Д. 218. Л. 1.

expectative (состоянии ожидания. – Э. К.). Теперь ещё не поздно, думается мне, отклонять немедленное участие. Боюсь, что Вы пожалеете потом, если поступите иначе»¹².

Однако, получив предложение писателя Леонида Андреева о сотрудничестве в «Русской воле», Алексинский всё же пренебрёг предостережением Плеханова и мнением других своих коллег по «Призыву» и был официально объявлен представителем новой газеты в Париже. Среди подавляющего большинства российских социалистов этот поступок произвёл эффект разорвавшейся бомбы – Алексинский был исключён из редакций газеты «Призыв» и журнала Иорданского «Современный мир». Плеханов всячески отговаривал своих коллег от принятия таких исключительных мер. Так, 10 ноября 1916 г. Р. Плеханова, по поручению приболевшего супруга, писала Любимову, что терять очень талантливого Алексинского, как одного из редакторов «Призыва», было бы сильным уроном для газеты, который, безусловно, был бы на руку «пораженцам». Муж находит, продолжала Розалия Марковна, что Алексинский, при всей своей горячности, обладает достаточным политическим тактом и революционностью, чтобы вовремя уйти, осознав ложность сделанного им шага. А в письме от 18 ноября уже сам Георгий Валентинович, немного оправившись от болезни, буквально умолял Любимова и остальных членов редакции «Призыва» не предпринимать ничего против Алексинского¹³.

Однако их гнев был настолько велик, что редакторы «Призыва» не вняли мольбам своего лидера. Сначала они предъявили Алексинскому ультиматум – либо он прекращает сотрудничество в «Русской воле», либо его изгоняют из редакции «Призыва». Плеханов выступал против такого ультиматума: «Когда мы преследуем какую-нибудь цель, мы должны приносить ей в жертву второстепенные и третьестепенные частности, – писал он 4 января 1917 г. из Сан-Ремо редколлегии «Призыва». – В данном случае наша цель есть пропаганда известного взгляда на положение, созданное войной. В сравнении с этой целью участие т[оварища] Алексинского в "Русской Воле" есть именно второстепенная частности. Я согласен, что эта частности принесит нам некоторые неудобства. Но несравненно больше неудобств принесёт нам разрыв с т[оварищем] Алексинским. Я без ужаса и подумать не могу о том, как неприятно изумит он сочувствующие нам круги международной социал-демократии».

Несмотря на эти уговоры, на последней странице № 58 «Призыва» от 25 января 1917 г. было сообщено, что, начиная с данного номера, Алексинский более не будет участвовать в издании газеты. Намерение редакторов «Призыва» подвергнуть его ostracismu было полностью поддержано «на местах». Так, например, обсудив на состоявшемся 16 января 1917 г. собрании

¹² Baron S. H. Op. cit. P. 361–362.

¹³ См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 131–132.

Цюрихской Объединённой группы социал-демократов и социалистов-революционеров сообщения о сотрудничестве Алексинского на постоянной основе в газете «Русская воля», участники собрания единогласно приняли резолюцию, подписанную 17 января секретарём группы И. Киселёвым, в которой посчитали необходимым сообщить редакции «Призыва», что его дальнейшее нахождение в ней группа рассматривала «по моральным и политическим основаниям недопустимым». Она также выражала уверенность, что редколлегия «Призыва» исключит Алексинского из своей среды и заявляла, что «отныне порывает всякие сношения с ним». Когда же в сообщении об его исключении из редакции в № 58 «Призыва» Алексинский был назван «товарищем», это вызвало в Цюрихской группе «удивление и недоумение». Её собрание 26 января 1917 г. поприветствовало редакцию «Призыва» за исключение «г-на Алексинского из своей среды», но одновременно высказалось за то, чтобы она сообщила причины, «почему для неё г-н Алексинский остаётся товарищем». И, наконец, 27 января Киселёв сообщил в письме редакторам газеты, что и лично ему в сложившейся тогда ситуации желательно отмежеваться от Алексинского, с которым он «имел счастье выступать против Парвуса и который теперь продал себя протопоповскому изданию»¹⁴.

Плеханов в постскрипуме упомянутого уже письма от 4 января 1917 г. посчитал необходимым отметить, что, несмотря на его разногласия с другими редакторами «Призыва» по поводу сотрудничества Алексинского с «Русской волей», он будет и далее продолжать работу в газете: «"Призыв" не сделал ещё и половины того, что может сделать. Ему предстоит играть немаловажную роль *при* заключении мира и *после* заключения мира он пригодится, как орган, прокладывающий путь для объединения всех сил русского социализма (везде в цитате курсив Плеханова. – Э. К.). Ведь это задача огромной исторической важности. Итак, продолжайте издавать "Призыв", несмотря на расхождение с тов[арищем] Алексинским. Я буду работать для него усерднее, чем прежде»¹⁵.

Вскоре новоиспечённый сотрудник «Русской воли» стал вести себя совсем непредсказуемо. В самом начале 1917 г. в № 56 «Призыва» появилась статья Плеханова «Стены Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал». Через некоторое время, согласно предварительной договорённости, она должна была быть опубликована в России, в журнале меньшевиков-оборонцев «Дело». Однако совершенно неожиданно, очевидно, руководствуясь благими намерениями доведения взглядов Плеханова до российской публики, но не спросив на это разрешения у самого Георгия Валентиновича, Алексинский поместил сокращённый вариант статьи в № 4 «Русской воли» от 5 января 1917 г. под названием «Стены Бельгии».

¹⁴ Цит. по: Baron S. H. Op. cit. P. 365; ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 3. Д. 157. Л. 3, 5; Д. 158. Л. 1об.

¹⁵ Цит. по: Baron S. H. Op. cit. P. 365, 367.

Вероятнее всего, он просто не поставил в известность Амфитеатрова о том, что не спросил разрешения автора на публикацию статьи в «Русской воле». Это подтверждается содержанием телеграммы Амфитеатрова Плеханову от 22 января 1917 г., сообщавшего, что его статья произвела глубокое впечатление на широкие слои общества и вызвала досаду пораженцев и шарлатанов, уделом которых является демагогия, и поздравлявшего с успехом. Конечно же, Амфитеатров и не подозревал, что Плеханов был поставлен, таким образом, в крайне неприятное положение перед журналом «Дело». Им было получено письмо от одного из редакторов этого журнала Петра Маслова с уведомлением о том, что уже набранная в номер его статья в связи с её публикацией в «Русской воле» исключена из выпуска. Реакция Георгия Валентиновича на произошедшее была довольно резкой. Учитывая свой решительный отказ от личного участия в «Русской воле», он расценил поступок Алексинского, как проявление не порядочности, неделикатности, бестактности. Р. Плеханова в связи с этим писала Любимову 14 февраля 1917 г., что Алексинский поступил в данной истории, как литературный мародёр¹⁶.

С Любимовым, также бывшим большевиком, Плеханова связывали настоящие дружеские отношения. Совместная работа в редакциях газет «За партию» (1912–1914) и «Единство» (1914), составление думских докладов для Бурьянова, большая работа по объединению сил партии, защите ушедших на фронт в составе французской армии российских волонтеров, изданию газеты «Призыв» (1915–1917), помощь, которую Любимов и его супруга оказывали Плеханову в работе над «Историей русской общественной мысли», ещё более укрепили их дружбу: «...моя симпатия к Вам и, – что важнее, – моё к Вам уважение, – писал Георгий Валентинович в письме Любимову от 23 июля 1915 г., – росли с каждым новым деловым письмом, получавшимся мною от Вас. Я жалею единственно о том, что судьба свела меня с Вами, может быть, слишком поздно. Говорю: "слишком поздно", имея в виду Ваше намерение записаться в ряды французской армии. Но и это намерение я очень уважаю, хотя мне и жаль было бы потерять такого товарища, как Вы. Я человек прямой и никогда не выражал своего уважения людям, которых не уважал, но Вам я выражаю своё уважение, потому что могу сделать это, оставаясь вполне искренним»¹⁷.

Боясь потерять одного из ближайших соратников, Плеханов впоследствии не раз ещё отговаривал Алексея Ивановича от реализации принятого им решения записаться добровольцем в армию Французской республики. «Я понимаю Ваше решение, – писал он Любимову 18 ноября 1916 г., – о поступлении волонтером во французскую армию. Но это нас окончательно дезорганизует».

¹⁶ См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 136–137, 151.

¹⁷ «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 109.

низует». «Т[оварищ] Любимов, Ваше поступление в военную службу вредит работе в тылу»¹⁸, – настаивал Плеханов в письме от 26 декабря 1916 г. И, наконец, наиболее ярко и категорично отношение Плеханова к Любимову было выражено в его письме Авксентьеву из Сан-Ремо от 1 декабря того же года: «Я очень уважаю решение т[оварища] Любимова, но нахожу, что оно дезорганизует "тыл" и тем оказывает услугу Троцкому и комп[ании]. Наша литературная пропаганда нужна тоже в интересах войны. Мне кажется, что редакция (газеты "Призыв". – Э. К.) должна была бы удерживать т[оварища] Любимова. Я считаю его незаменимым»¹⁹.

Однако не эти уговоры лидера группы «Призыв» заставляли Любимова откладывать своё решение. Он надеялся, что многочисленные поражения нашей армии в ходе мировой войны и вызванная ими активизация оппозиционных сил русского общества приведут в конечном итоге к определённым переменам, вероятно, подразумевая под этим всеобщую политическую и религиозную амнистию. Тогда у него появилась бы реальная возможность вернуться на Родину и защищать её, а не Францию, с оружием в руках. Зная о том, что контракт с французской армией в таком случае разорвать будет чрезвычайно сложно, Любимов долгое время пребывал в неопределённом положении, постоянно находясь в напряжённом ожидании перемен в России²⁰. Но ждать их пришлось ещё достаточно долго.

Если своих заграничных соратников Плеханов очень ценил и уважал, то к некоторым из единомышленников в России относился с определённым недоверием и прохладцей. Речь идёт, прежде всего, об Иорданском. Плеханов как будто предчувствовал будущее увлечение его большевизмом. Одним из ближайших сподвижников Георгия Валентиновича Иорданский стал ещё в годы революции 1905–1907 гг. Уже тогда будущий большевистский функционер умел блеснуть своим революционным радикализмом. Это видно, к примеру, из письма меньшевика Фёдора Дана (Гурвича) одному из меньшевистских лидеров П. Аксельроду от 8 октября 1904 г. Рассказывая в нём Павлу Борисовичу о состоявшейся в Женеве беседе с приехавшим туда из предреволюционной России Иорданским, Дан писал, что тот толкует о необходимости непосредственных действий, «хотя бы в виде разрушения зданий, повешения на уличных фонарях должностных лиц и т[ому] п[одобного], о пользе захвата хотя бы на несколько дней какого-нибудь города в "диктатуру" пролетариату...»²¹. Ещё один меньшевистский лидер Юлий Мартов (Цедербаум) в написанном Аксельроду из Аркашона письме от 27 сентября 1909 г. сообщал, что «политические карьеристы, вроде Н. И. Иорданского, теперь готовы

¹⁸ Там же. С. 132, 133.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 3. Д. 463. Л. 3.

²⁰ См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 110.

²¹ Дан Ф. Письма (1899–1946). Amsterdam, 1985. С. 120.

предпочитать идти в кабалу к большевикам, чем договариваться с группой ортодоксальных меньшевиков»²².

В годы же войны Плеханов не мог простить Иорданскому помещение им в № 12 журнала «Современный мир» за 1915 г. антиоборонческой статьи социал-демократа Николая Рожкова «Воззвание оборонцев» с критикой принятого на состоявшемся в сентябре 1915 г. в Лозанне меньшевистско-эсеровском совещании манифеста «К сознательному трудящемуся населению России», автором которого являлся Плеханов²³. Скорее он готов был считать своим соратником в России не связанного с группой «Призыв» председателя Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета меньшевика Кузьму Гвоздева. «Что касается наших русских единомышленников, – писал Плеханов Любимову осенью 1916 г., – то я имею в виду не Иорданского, а Гвоздева и его товарищей. К сожалению, Иорданский не отличается политической дальновидностью. ...ведь поместил же Иорданский "критику" нашего манифеста, написанную Рожковым, а ведь трудно придумать что-нибудь глупее этой "критики". Итак, Иорданский здесь в счёт идти не может. Иное дело Гвоздев. Если можно знать его мнение, – т[о] е[сть] если можно снестись с ним, – то необходимо принять все меры к тому, чтобы это мнение стало нам известным. Мы не можем разойтись с Гвоздевым. Это было бы непоправимой ошибкой»²⁴. Не жаловала Иорданского с Алексинским и Засулич. В частности, сообщая 22 августа 1917 г. в письме меньшевику Александру Потресову о своём нежелании пока формально вступать в плехановскую группу «Единство», она мотивировала это, среди прочего, тем, что «Иорданский противен»²⁵. В середине сентября 1917 г., обсуждая с меньшевичкой Татьяной Вулих предложение Плеханова вступить в его группу, Засулич сказала, что принять это приглашение – значит «порвать с партией, окончательно уйти из неё. Положим, Плеханов неплохая компания, но ведь он не один, а окружён другими, а кто с ним? Алексинский, Иорданский – это мразь. Бедный Жорж (Плеханов. – Э. К.), с кем ему приходится работать, а расстаться с ними он не захочет – у него нет людей»²⁶.

Чуть позже Засулич в группу «Единство» всё-таки вступила. Вот что вспоминал о дружеском триумвирате старых революционеров-марксистов Лев Тихомиров: «Между собой все они – Плеханов, Дейч и Засулич жили душа в душу, составляя одно неразрывное целое»²⁷. Меньшевичка Конкордия Захарова-Цедербаум, вспоминая о своей встрече с Засулич в 1900 г. в Мюн-

²² Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова (1901–1916). Берлин, 1924. С. 198.

²³ См.: *Baron S. H.* Op. cit. P. 365.

²⁴ «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 130.

²⁵ Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection. Series 16. Box 40. Folder 11.

²⁶ Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection. Series 134. Box 207. Folder 13.

²⁷ *Тихомиров Л.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. Л., 1925. С. 39.

хене, писала, что это был «редко образованный человек, оказывающий несомненно глубокое влияние даже на Плеханова, который ни одной своей работы не выпустил в свет, не обсудив её предварительно с Верой Ивановной»²⁸. Дейч тоже являлся в 1917–1918 гг. членом группы «Единство», входил в редакцию одноимённой газеты. Кроме этого, Засулич в августе 1917 г. организовала издание Бюллетеня Московского комитета «Единства» – газеты «Освобождение труда».

Применительно к 1917 г. нельзя также не упомянуть в числе соратников Плеханова Н. Васильева и того же Иорданского, которые выступили с инициативой и, не дожидаясь приезда вождя, 9 марта 1917 г. оформили создание в Петрограде социал-демократической группы «Единство» плехановского направления. Группа выделила из своей среды Временный комитет, куда вошли Иорданский, Васильев, Бурьянов, а также В. Костицын и В. Чернышёв. С 29 марта она стала издавать газету «Единство» (до седьмого номера её редактировал Иорданский, затем, с 5 апреля, – Плеханов)²⁹. 9 апреля состоялось учредительное заседание группы, председателем которой был избран Георгий Валентинович.

Вернувшись в Россию, Плеханов одобрил не только платформу газеты, но и самостоятельное существование группы «Единство» «для последовательного и не связанного фракционными соображениями проведения своих взглядов». Он не только видел, писал Валериан Рафаилович Чернышёв, что «политика большевиков и циммервальдистов ведёт армию к разложению, а страну к гибели. Он считал, что и меньшевики-оборонцы недостаточно последовательны в своей тактике, так как во избежание раскола с меньшевиками "интернационалистами" они подчас поступались своими тактическими взглядами». Вот почему Плеханов предпочитал работать отдельно не только идейно – в газете «Единство», но и организационно – в социал-демократической группе того же названия. И потому же тотчас по приезде в Россию он стал во главе Временного ЦК группы «Единство»³⁰.

²⁸ *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И.* Из эпохи «Искры». (1900–1905 гг.). Предисл. В. И. Невского. М.–Л., 1926. С. 10.

²⁹ Легальная общественно-политическая газета «Единство» ежедневно выходила в Петрограде до 17 ноября 1917 г. (189 номеров). С 19 декабря 1917 г. выпускалась под названием «Наше единство» (22 номера). 20 января 1918 г. издание было прекращено в связи с отсутствием денег и болезнью главного редактора – Плеханова. Суханов называл это издание «плехановским листком», «крошечной, малочитаемой и совершенно невлиятельной газеткой» (*Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 42; Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 335). Солидарен с ним был и меньшевистский историк Григорий Аронсон, называвший газету «Единство» «органом, пользовавшимся очень скромным влиянием как в советских, так и в меньшевистских партийных кругах» (*Аронсон Г.* К истории правого течения среди меньшевиков // *Меньшевики после Октябрьской революции.* Сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Вenson, 1990. С. 244).

³⁰ *Рафаилов-Чернышёв В. Г.* Плеханов в «Единстве» // Дело. № 13. 18 (5) июля 1918 г. С. 7.

Возвращаясь к Иорданскому, можно ещё вспомнить, что в 1917 г., помимо прочего, он был комиссаром Юго-Западного фронта и прославился тем, что во время корниловщины отдал приказ об аресте поддержавших Корнилова главнокомандующего фронтом генерала Деникина и начальника его штаба генерала Маркова. Приказ был исполнен меньшевиком Михаилом Якубовичем и помощником Иорданского В. Костивиним, арестованных препроводили вместе с их сторонниками в тюрьму в Бердичеве. Произведён данный арест был без санкции Временного правительства, за что Керенский объявил тогда Иорданскому выговор³¹.

Николай Васильев, всегда занимавший место на крайнем правом фланге меньшевизма, также был давним соратником Плеханова (ещё в 1907 г. Георгий Валентинович защищал его от нападок Мартова, требовавшего исключить Васильева из РСДРП за его предложение всем российским прогрессивным партиям от кадетов до социал-демократов на время отказаться от своих программ и «слиться в одной конституционной партии»³²). Доктор Васильев был заслуженным деятелем РСДРП и совсем не случайно, что именно он был избран председателем Совещания делегатов Всероссийской социал-демократической организации «Единство», состоявшегося 20–24 июля 1917 г. в Петрограде.

Особое место среди сподвижников Плеханова в 1917–1918 гг. занимал и Алексинский – человек, «для которого не существует полумер, недомолвок и этих Иудиных "постольку-поскольку", губящих свободу и родину»³³. Особое потому, что по своему внутреннему складу Алексинский был отнюдь не «ретивым пажом»³⁴ Плеханова, а человеком самостоятельным и независимым. И хотя он входил в данный период в группу «Единство» и редакцию её газеты, всё же нередко его взгляды на те или иные события политической жизни страны расходились с плехановскими, были ещё более правыми и консервативными с точки зрения революционной общественности. Один из ярких тому примеров – отношение к корниловщине. Если Плеханов написал в № 128 «Единства» от 30 августа 1917 г., что Корнилов «совершил преступление», за которое должен быть «наказан по всей строгости законов военного времени (курсив Плеханова. – Э. К.)»³⁵, то Алексинский находился в числе тех деятелей (совместно с Владимиром Бурцевым, Леонидом Добронравовым, Марией Малых и некоторыми другими), которые стояли «открыто за поддержку Корнилова»³⁶.

³¹ См.: Большевикский процесс 1931 года. Сборник документов. В 2-х кн. Сост. А. Л. Литвин. Кн. 2. М., 1999. С. 329.

³² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. М., 1925. С. 238.

³³ Алексинская Т. 1917 год // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 90. С. 140.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 293.

³⁵ Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. в двух томах. Т. 2. Париж, 1921. С. 129.

³⁶ Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 91. С. 187.

Однако, несмотря на это, Плеханов всё же очень ценил принципиальную поддержку Алексинским своих взглядов, прежде всего, на мировую войну и был в числе тех немногих социалистов, которые простили ему связь с газетой «Русская воля». После своего приезда в Петроград он высказал Татьяне Алексинской такое мнение по поводу сотрудничества её мужа в «Русской воле»: «Я ничего не вижу в этом предосудительного. Но в данный момент мы в России, у нас есть свой орган, нам уже не нужно писать в чужой прессе. Когда вы ждёте мужа? Я глубоко ценю его талант, он нам сейчас так нужен. Ценный он человек»³⁷. Не случайно поэтому, что вернувшись в Россию после Февральской революции и поблагодарив Леонида Андреева за возможность вести на страницах «Русской воли» патристическую пропаганду, 23 апреля 1917 г. Григорий Алексеевич вышел из редакции этой газеты, вступил в «Единство» и уже 28 мая был избран членом ЦК группы. К тому же симпатии к «Единству» у четы Алексинских были семейными. Речь идёт о том, что Т. Алексинская с 1 мая до августа 1917 г. являлась товарищем главного секретаря ЦК группы.

Засулич в письме Потресову от 22 августа 1917 г. сообщала, что в «Единство» она пока не «записалась», «хотя и зовут», поскольку не хотела это делать, «пока не выяснились отношения с Вами и вообще с "ликвидаторами", с которыми я в этом ликвидаторском вопросе была безусловно солидарна». Если, как следует из вышеупомянутого сентябрьского разговора с Татьяной Вулих, неприязненное отношение к Иорданскому у Засулич спустя месяц после написания цитируемого письма не изменилось, то Алексинского она в августе «мразью» ещё не считала: «И Алекс[инский] около Единства, – писала Вера Ивановна, – но Боже какой он стал чудный оратор, право лучший в демократич[еском] Питере. Я ему (как кавалеры красивым дамам) из-за этого желала бы отпущения всех его грехов – смертных-то за ним и не было. А боец он против ленинства сильный. А это зло страшно разросло[сь] и пресса этого направления всё растёт и его ораторы с утра до ночи развращают чернь...»³⁸.

Важная роль в группе принадлежала также Пантелеймону Дневницкому, «последователю и верному оруженосцу Плеханова»³⁹. Секретарём и единомышленником Георгия Валентиновича он стал ещё в годы революции 1905–1907 гг. В 1917 же году, вернувшись в Россию, Дневницкий работал в газете «Единство» вплоть до её закрытия, после чего и далее оставался убеждённым плехановцем. Также рядом с Плехановым, будучи членом ЦК группы «Единство», находилась в это время давняя его соратница, старшая из сестёр Аксельрод Любовь. Большую помощь Георгию Валентиновичу оказал в последний год его жизни ещё один давний его коллега по совместной работе

³⁷ Там же. Кн. 90. С. 134.

³⁸ Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection. Series 16. Box 40. Folder 11.

³⁹ Дан Л. О. Семья. (Из воспоминаний) // Мартов и его близкие. Сборник. Нью-Йорк, 1959. С. 35.

Валентин Ольгин (он, как и Дневницкий, был некоторое время секретарём Плеханова), получивший в 1910 г., когда Ольгина избрали делегатом Копенгагенского конгресса II Интернационала, от Льва Дейча характеристику «подхалима, подтягивающего во всём Плеханову», и человека, за которым тогда была известна «лишь та заслуга, что он умудряется одновременно жить с двумя жёнами»⁴⁰. Работал в 1917 г. с Плехановым в качестве члена редакции газеты и ЦК группы «Единство», а также «отчасти его личного секретаря», и Анатолий Браиловский⁴¹.

Не последнюю роль в группе «Единство» также играли управляющий отделом земского хозяйства Министерства внутренних дел России в 1917 г. Борис Веселовский, московский адвокат Сергей Волынский, владелец небольшой типографии в Москве Давид Гершанович, участник восстания в июне 1905 г. на броненосце «Потёмкин» Константин Фельдман и др.

Такие разные люди являлись единомышленниками Плеханова в годы Первой мировой войны. Кого-то из них он безгранично любил и уважал, а кого-то и подвергал, бывало, критике. Однако, будучи истинными патриотами своей Родины, все они делали в то время одно общее дело, объясняя всеми доступными способами российскому пролетариату необходимость его участия в вооружённой защите страны от захватившего её земли внешнего врага ради скорейшего достижения справедливого демократического мира.

О.С. Мозговая

ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА ГЕРМАНИИ В РЕШЕНИИ «ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ»

Сегодня проблемам межнациональных отношений в СССР и на постсоветском пространстве, внешнеполитическим отношениям СССР с целым рядом европейских государств уделяется пристальное внимание, и делаются попытки переосмысления ряда исторических событий. Мне бы хотелось в данной статье более пристальное внимание уделить дипломатической работе, проводимой германским руководством в решении так называемой, «проблемы советских немцев», которая занимала немаловажное значение в рамках двухсторонних отношений СССР и Германии.

3 декабря 1917 г. представители России и Германии собрались в Брест-Литовске для заключения перемирия и проведения дальнейших перегово-

⁴⁰ Записные книжки Л. Г. Дейча // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 5.

⁴¹ См.: Браиловский А. Г. В. Плеханов в русской революции. (Из воспоминаний) // Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection. Series 130. Box 201. Folder 4.